

ГОДЪ
Тридцать девятый.

ЛИТОВСКИМЪ

19 Августа 1901 года.
ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ЕПАРХИАЛЬНЫМЪ

№ 33.

ВЪДОМОСТИ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.

Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898, 1899 г. и 1900 г. по 10 к. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
„ два раза 15 „
„ три раза 20 „

СОДЕРЖАНІЕ № 33.

Мѣстные распоряженія. Утвержденіе въ должности церковныхъ старостъ. **Мѣстные извѣстія.** Архіерейскія служенія. Рукоположеніе. Пожертвованіе. Вакансіи. **Неофициальный отдѣлъ.** Освященіе и водруженіе св. Креста на главномъ куполѣ новостроющагося въ Вильнѣ Знаменскаго храма. Курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ. Послѣдніе дни великаго Суворова. Вниманію духовенства. Объявленіе.

Мѣстные распоряженія.

— 10 августа утвержденъ въ должности церковнаго старосты на второе трехлѣтіе къ Виленскому Пречистенскому собору полковникъ артиллеріи *Константинъ Вас. Черницовъ*, при чемъ за отличнo-усердное исполненіе обязанности по должности церковнаго старосты и пожертвованія на украшеніе храма всего на сумму свыше 500 рублей преподано ему **Архипастырское благословеніе** Его Высокопреосвященства, съ выраженіемъ признательности и съ **выдачею похвальнаго листа**.

— 12 августа утвержденъ въ должности церковнаго старосты на три года выбранный къ Снпцшской г. Вильны церкви тит. сов. *Стефанъ Александровичъ Соболевскій*.

Мѣстные извѣстія.

— **Архіерейскія служенія.** 6-го августа, въ праздникъ Преображенія Господня, Высокопреосвящен-

ный Ювеналій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, совершилъ въ Св.-Духовомъ монастырѣ божественную литургію и послѣ оной благодарственный молебенъ по случаю бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Александровны и по случаю годовщины Свято-Духовскаго Братства. На богослуженіи присутствовали высшіе чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и масса молящихся. По окончаніи службы Его Высокопреосвященство прошелъ въ настоятельскіе покои со славою, гдѣ было назначено общее собраніе Братства. Сюда же зашли нѣкоторые изъ братчиковъ и возобновили братскій годичный взносъ.

Наканунъ праздника была совершена въ Св.-Духовской обители заупокойная братская литургія и панихида въ присутствіи братчиковъ.

— **Пожертвованіе.** Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Ювеналіемъ, Архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ, препровождено въ Комитетъ по постройкѣ въ Вильнѣ церкви во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы **тысяча руб.**

— 6 августа рукоположенъ во священника къ Дембровской церкви, Лидскаго уѣзда, *Владимиръ Доломановъ*.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ—

Вилейскаго — м. Ильи (5).

— с. Бѣседахъ (6).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ—

Поневѣжскаго — с. Никольскомъ (6).

Свенцянскаго — г. Свенцянахъ (2).

Неоффициальный отдѣлъ.

Освященіе и водруженіе св. Креста на главномъ куполѣ новостроющагося въ Вильнѣ Знаменскаго храма.

— 16 августа, въ 12 ч. дня, состоялось освященіе креста главнаго купола новостроющейся церкви въ Звѣринцѣ во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы. По благословенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Ювеналія, Архіепископа Литов. и Вилен., которому храмъ всецѣло обязанъ своимъ сооруженіемъ, освященіе креста совершилъ предсѣдатель строительнаго комитета, протоіерей кафедральнаго Николаевского собора Іоаннъ Котовичъ соборне, въ сослуженіи о. ключаря собора прот. М. Голенкевича, Виленскаго благочиннаго прот. І. Шверубовича, свящ. М. Померанцева, епарх. наблюдателя свящ. М. Пашкевича и членовъ строительнаго комитета священниковъ: Л. Смоктуновича и А. Сосновскаго, при участіи протодіакона Н. Попова и діакона Разумовича. Пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ регента діакона А. Карманова. Освященію креста предшествовалъ водосвятный молебенъ, при окончаніи котораго была прочитана молитва на поставленіе креста на верхъ крова новосозданнаго церкви и св. крестъ былъ окропленъ св. водой. Послѣ отпуста были возглашены обычныя многолѣтія. На чинѣ освященія присутствовали: г. виленскій губернаторъ свѣтлѣйшій князь Грузинскій, виленскій исправникъ со своимъ помощникомъ и довольно многочисленная публика. Самое поднятіе креста на куполъ совершено было въ 4 ч. пополудни. Какъ освященіе, такъ и поднятіе креста на куполъ привлекло много зрителей. Заходящее солнце ярко озарило золотой св. Крестъ, уже крѣпко утвержденный на своемъ мѣстѣ и отчетливо выдѣляющийся на всемъ протяженіи Георгиевскаго проспекта.

Курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ, происходившихъ въ Вильнѣ съ 15 іюня по 28 іюля 1901 года.

Общее число курсистовъ достигало 80 человекъ: 70 по приглашенію начальства и 10 вельнослушателей. Занятія состояли изъ уроковъ преподавателей въ начальной школѣ, организованной на время курсовъ (36 уроковъ), практическихъ уроковъ курсистовъ (43 урока), разбора практическихъ уроковъ (на что употреблено 32 урока), дидактическихъ и методическихъ бесѣдъ (30 уроков.), преподаванія церковнаго пѣнія (41 ур.) и бесѣдъ по садоводству и огородничеству (18 ур.) Курсами руководилъ мѣстный епархіяльный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ священникъ Михаилъ Пашкевичъ при содѣй-

ствіи уѣзднаго наблюдателя священника Владимира Жебровскаго.

Преподаватели были слѣдующіе: по закону Божію и церковно-славянскому языку священникъ Михаилъ Пашкевичъ, по церковному пѣнію Вигилевъ и Ивановъ, по русскому языку Метько, по арифметикѣ Павлючукъ, по садоводству и огородничеству Капцевичъ.

Послѣдніе дни великаго Суворова.

Послѣ удивившаго весь міръ перехода чрезъ Альпы, фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ согласно повелѣнію императора Павла I, возвращаясь съ остаткомъ своихъ чудо-богатырей, въ Россію, около мѣсяца прожилъ въ Аугсбургѣ. Время, проведенное здѣсь русскими, прошло для нихъ шумно и весело. Множество генераловъ, министровъ, путешественниковъ стекались сюда со всѣхъ сторонъ Европы, чтобы видѣть Суворова и хоть мелькомъ, но только бы взглянуть на него. Все благоговѣло предъ героемъ италійскимъ. Изъ Аугсбурга русская армія двинулась далѣе въ Россію, двумя колоннами — одна черезъ Богемію, другая — черезъ Моравію. Самъ Суворовъ слѣдовалъ при первой. Въ городкѣ Вишау встрѣтилъ его хоръ дѣтей, пропѣвшій въ честь его гимнъ. Старикъ прослезился, перецѣловалъ маленькихъ пѣвцовъ, усадилъ ихъ у себя за столъ, подчивалъ разными лакомствами и самъ пѣлъ съ ними.

1-го декабря Суворовъ прошелъ Нитенау и вступилъ въ Прагу, столицу Богеміи, гдѣ во исполненіе Высочайшаго повелѣнія двигатьея „умѣренными маршами“, приготовился дать войскамъ своимъ продолжительный отдыхъ и остался здѣсь на цѣлый мѣсяць. Множество знатныхъ людей, министровъ, дипломатовъ, генераловъ, дамъ окружали его и здѣсь какъ въ Аугсбургѣ. Тутъ, среди героевъ, которыхъ водилъ къ побѣдамъ, среди уполномоченныхъ агентовъ гоеударей, искавшихъ его вниманія и согласія, Суворовъ въ послѣдній разъ явился въ полномъ блескѣ славы и почестей. Въ Прагѣ же помолвилъ онъ и своего сына съ принцессою курляндскою. По вечерамъ у него происходили многолюдныя и шумныя собранія. Затѣялъ онъ тутъ справлять русскія святки, завелъ святочные игры, фанты, жмурки, жгуты, подблюдныя пѣсни, самъ пѣлъ и бѣгалъ, и мѣшался въ толпѣ гостей, съ точностію исполняя все, что назначалось ему продѣлывать, когда вынимался его фантъ, водилъ хоробы, заставлялъ нѣмцевъ выговаривать трудныя русскія имена и мудренныя слова и слушать рассказы о славной плясуньѣ — боровичекской исправничихѣ, и наконецъ, пускался въ танцы: „люди вираво, — пишетъ очевидецъ, (1) — а

(1) Е. Б. Фуксъ.

онъ влѣво; такую причинялъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда". И замѣчательно, что знатнѣйшія богемскія дамы, австрійскіе генералы, даже англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ и множество чужеземцевъ, путались вмѣстѣ съ русскими въ нашихъ народныхъ играхъ. Суворовъ былъ очень доволенъ, если при игрѣ въ жгуты особенно больно доставалось по спинѣ австрійскимъ генераламъ: „Пониже бы ихъ хорошенечко, пониже!“—приговаривалъ онъ, хлопая въ ладоши. Сюда же, въ Прагу, явился художникъ Миллеръ, присланный отъ курфюрста саксонскаго съ просьбою о позволеніи списать съ Суворова портретъ для дрезденской галереи. Старикъ очаровалъ Миллера своими разговорами... Ласково встрѣтивъ его, онъ сталъ словами изображать свой нравственный портретъ.

— Ваша кисть изобразить черты лица моего, — говорилъ онъ художнику: онъ видны; но внутреннее челоуѣчество мое сокрыто. И такъ, скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями... Содрогаюсь... Но люблю моего ближняго; во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ, ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (при этомъ Суворовъ вскочилъ на стулъ); въ приливахъ и отливахъ счастья уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ (тутъ онъ сѣлъ на стулъ), непоколебимъ, какъ теперь... Вдохнитесь вашимъ гениемъ, и начинайте!

— Твой геній вдохновитъ меня! воскликнулъ въ восторгѣ художникъ.

Умолкнувъ, Суворовъ терпѣливо выдержалъ неподвижную позу, — и прекрасный портретъ его, списанный Миллеромъ, до нашихъ дней хранится въ дрезденской галереѣ.

Въ это время оживлялъ Суворова не суетный блескъ, окружавшій его, не величіе въ какомъ являлся онъ въ представленіи своихъ современниковъ — оживляла его надежда явиться снова, но уже самостоятельно среди громовъ битвы и побѣды. Любимую и самую завѣтную мечтою его было побѣдить и умереть въ бою, но не на постели.

Высочайшій рескриптъ отъ 29 декабря засталъ его еще въ Прагѣ. „Князь, собственноручно писалъ Государь, — „поздравляю васъ съ новымъ годомъ и, желая его вамъ благополучна, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать: ты выше мѣръ моихъ; но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должно.“

Удовлетворяя желанію государя, генералиссимусъ простился съ войсками: онъ прослезился, — и ничего не могъ сказать имъ отъ волненія. Ряды солдатъ тоже безмолствовали и были грустны, словно пред-

чувствуя, что видятъ „отца“ уже въ послѣдній разъ въ своей жизни. Суворовъ сдалъ начальство генералу Рёзенбергу и спѣшилъ выѣхать изъ Праги. Но передъ отъѣздомъ, возражая еще разъ на новые планы представленные ему Беллегардомъ и Минто, онъ выразился напрямикъ, что „всѣ эти планы краснорѣчивы, да не естественны, прекрасны, да не хороши“, и на прощанье высказалъ имъ мысль весьма замѣчательную; „если хотите еще разъ воевать съ Франціей, сказалъ онъ, — то войте хорошо, ибо война плохая — смертельный ядъ. Въ этомъ случаѣ лучше и не предпринимать ее. Всякій, изучавшій духъ революцій, былъ бы преступникомъ, еслибъ умолчалъ объ этомъ. „Первая великая война съ Франціей должна быть также и послѣднею“.

Спустя пятнадцать кровавыхъ лѣтъ, Европа въ 1812 году убѣдилась въ вѣщихъ словахъ Суворова.

На другой день онъ выѣхалъ изъ Праги, въ сопровожденіи небольшой свиты. По дорогѣ, въ моравскомъ городкѣ Нейтитченѣ, гдѣ умеръ и похороненъ австрійскій фельдмаршалъ Лаудонъ, пожелалось ему взглянуть на гробницу этого замѣчательнаго челоуѣка. Погрузясь въ глубокую задумчивость, долго стоялъ онъ и смотрѣлъ на длинную латинскую эпитафію, гдѣ въ подробности и до послѣднихъ мелочей изчислены были дѣла, чины, титулы и отличія Лаудона.

— Къ чему такая длинная надпись? произнесъ онъ, наконецъ, въ раздумьѣ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Фуксъ, ловя на лицѣ великаго старца всѣ оттѣнки сокровенныхъ думъ, волновавшихъ его душу въ эту замѣчательную минуту.

— Нѣтъ, — когда я умру, — продолжалъ Суворовъ, обратясь къ своему спутнику, — завѣщаю тебѣ волю мою: когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи похвальной надписи. Напишите просто, всего три слова: „здѣсь лежитъ Суворовъ“, — съ меня и довольно!

Доѣхавъ до Кракова, Суворовъ почувствовалъ себя дурно. Онъ черезъ силу поѣхалъ на балъ, данный въ его честь; но среди пышной толпы видимо казался утомленнымъ и грустнымъ: здѣсь уже не было въ немъ ни обычныхъ его остроумныхъ выходокъ, ни оригинальностей. На другой день у него открылась болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ „фликтены“: сыпь и водяные пузыри покрыли все его тѣло. Онъ поспѣшилъ добраться до Кобрина, гдѣ находилась его „маентность“ и, какъ ни торопился въ Петербургъ, однако, противъ воли, долженъ былъ лечь въ постель. Императоръ Павелъ, встревоженный извѣстіемъ о болѣзни генералиссимуса, прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта. — „Молю Бога“, писалъ онъ, — да сохранитъ мнѣ героя Суворова. По

пріѣздѣ вашемъ въ столицу, увидите вы вполнѣ признательность къ вамъ вашего государя, которая, однакожь, никогда не сравнится съ вашими подвигами и великими заслугами, оказанными мнѣ и государству“.

Ежедневно скакали курьеры изъ Кобрина въ Петербургъ съ депешами о состояніи здоровья Суворова. Медики совѣтовали ему пользоваться водами; но онъ вообще пренебрегалъ медициною; не терпѣлъ лекарствъ и лечился по своему.

— Помилуй Богъ! отвѣчалъ онъ на всѣ эти совѣты,—посылайте на воды здоровыхъ богачей, игроковъ, интригантовъ, а я вѣдь боленъ не шутя... Мнѣ надобны деревенская изба, молитва, баня, каша да квасъ.

Однако, извѣстясь о волѣ государя, который желалъ, чтобы больной слѣдовалъ предписаніямъ медика, Суворовъ подчинился распоряженіямъ Вейкарта. Однажды какъ-то велѣлъ онъ деньщику своему, Прошкѣ, отыскать свою старую аптечку, подаренную ему Екатериною.

— Я только хотѣлъ поглядѣть на нее; она надобна мнѣ только на память,—оправдывался онъ, когда Вейкартъ сердито отнял у него ящичекъ.

Предписано было ему одѣваться теплѣе; а онъ не хотѣлъ, и отговаривался тѣмъ, что „я-де солдатъ!“

— Вы генералиссимусъ! возразилъ ему Вейкартъ.

— Такъ-то-такъ, да солдатъ съ меня примѣръ брать. Вотъ что! отвѣчалъ неговорчивый Суворовъ.

Никакъ не могли также убѣдить его ѣсть скромное въ великій постъ. Однако, Вейкартъ значительно помогъ своему пациенту. Почувствовавъ облегченіе, старикъ усердно принялся ходить въ церковь, по обыкновенію, пѣлъ на клиросѣ, читалъ часы и Апостолъ, клалъ положенные поклоны. Вснѣльчивый Вейкартъ безпрестанно сердился на него, доказывая, что все это изнуряетъ его физическія силы, а Суворовъ, въ отместку за ворчливость доктора, заставлялъ его говорить по русски, ходить вмѣстѣ съ собой въ церковь, ѣсть постное, и отъ души смѣялся досадѣ нѣмца-врача, который всячески старался отбояриться отъ такого непривычнаго ему образа жизни. Слыша о безрерывной благосклонности государя, съ чувствомъ говорилъ Суворовъ: „вотъ это вылечитъ меня лучше Иванъ Иваныча Вейкарта!“—Онъ все еще дѣятельно занимался перепискою, пересматривалъ и повѣрялъ списки наградъ, заботливо спрашивая: „не забытъ ли кто“? Но по временамъ, чувствуя безнадежность своего здоровья, говорилъ, что лишь бы добратся до Питера, увидать государя, а потомъ—умирать въ деревню! Совѣтовали ему просить у императора еще какого-нибудь матеріальнаго обезпеченія для себя и дѣтей.

— Какъ!... Мнѣ испрашивать еще чтонибудь у щедрого монарха?... Да это подло, совѣстно, грѣхъ! —съ негодованіемъ воскликнулъ безкорыстный старецъ.

Но въ другіе часы забывалъ онъ о своей деревнѣ и говорилъ о военныхъ дѣлахъ, о битвахъ; мечталъ о новомъ походѣ въ Италію, во Францію, въ Парижъ, гдѣ, по его убѣжденію, только и могъ быть положенъ дѣйствительный конецъ деспотическимъ дѣйствіямъ республиканцевъ; создавалъ новые планы освобожденія Европы, писалъ письма къ государямъ и знаменитымъ современникамъ; разговаривалъ о приготовленіяхъ къ триумфальному вѣзду своему въ Петербургъ.

— Дайте, дайте мнѣ только увидѣть государя! восклицалъ онъ, съ удовольствіемъ слушая рассказы о томъ, какъ нетерпѣливо ждуть его въ столицѣ, какія почести придумываетъ ему императоръ, какъ готовить для него помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ и хочетъ встрѣтить его, какъ римскаго триумфатора, со всею гвардіей, при громѣ пушекъ и колокольномъ звонѣ. Читая письмо государя, гдѣ онъ писалъ, что „радуется приближенію часа, когда обниметъ героя вѣковъ“,—старикъ оживалъ, молодѣлъ, веселился и торопилъ приготовленія къ дальнѣйшей своей поѣздкѣ.

Наконецъ, Вейкартъ разрѣшилъ ему отправиться въ путь, но съ тѣмъ однако, чтобы уѣзжать въ сутки болѣе 25-ти верстъ. Суворовъ не могъ уже какъ прежде, летѣть на переладныхъ, въ ямской телѣгѣ; теперь его везли въ дормезѣ на перинѣ, обложеннаго подушками, въ сопровожденіи врачей; Багратионъ свидѣтельствуешь, что „переходъ чрезъ Альпійскія горы въ ненастное время, а болѣе всего неудовольствія отъ гоффригерата и враждебнаго Тугута, изъ зависти и злобы нанесенныя, и ихъ козни, сильно подѣйствовали на здоровье Александра Васильевича“. Крѣпкая натура боеваго старика долго боролась съ болѣзнію, но наконецъ, послѣдняя взяла таки верхъ...

Не переставая заботиться о состояніи здоровья своего полководца, императоръ Павелъ, тѣмъ не менѣе, отдалъ 20-го марта 1800 года слѣдующій Высочайшій приказъ: „Вопреки Высочайше изданнаго устава, генералиссимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала, что и дается на замѣчаніе всей арміи“.

Этимъ приказомъ особа генералиссимуса поставлена была выше выговора, который, вмѣсто него, сдѣланъ былъ какъ бы всему русскому войску.

Суворовъ почувствовалъ это тонкое различіе, и тѣмъ сильнѣе было его огорченіе.

Приказомъ этимъ воспользовались его враги и недоброжелатели, чтобы повсюду распусить сплетню, будто не по чести, но гнѣвъ и негодованіе государя

ожидаютъ его въ Петербургѣ,—будто встрѣчи, готовившіяся ему, отмѣнены и войскамъ не велѣно отдавать ему почестей, высочайше дарованныхъ за итальяскіе подвиги...

Слухи объ этомъ дошли и до Суворова, когда онъ остановился въ Вильнѣ. Въ нѣсколькихъ станціяхъ за этимъ городомъ, свита генералиссимуса съ изумленіемъ и страхомъ увидѣла въ немъ внезапную перемену къ худшему. Припадки болѣзни возобновились и усилились. Онъ не могъ ѣхать далѣе и остановился на дорогѣ въ бѣдной литовской корчмѣ. Его внесли въ хату и положили на лавку. Сопровождавшія его лица не могли удержаться отъ слезъ, при видѣ изможденнаго старика, прикрытаго простынею и почти умирающаго. „Боже великій! За что страдаю!“ тяжело вздыхалъ онъ по временамъ, прерывая свою молитву и подавляя стоны.

Но желѣзная натура его еще разъ взяла верхъ надъ болѣзнію. Всѣ были обрадованы, когда Суворовъ, кое-какъ перемогшись, началъ снова свое путешествіе, и особенно когда пріѣхалъ онъ въ Ригу. Здѣсь засталъ его первый день Пасхи. Черезъ силу надѣлъ онъ полный мундиръ со всѣми орденами, отслушалъ заутреню и обѣдню и разговѣлся у рижскаго губернатора.

Остальное путешествіе до Петербурга тянулось двѣ недѣли и походило больше на похоронное шествіе. Толпами высыпалъ къ нему на встрѣчу народъ, но, опасаясь потревожить его покой, не рѣшался привѣтствовать героя своими кликами и, обнаживъ головы, провожалъ его въ торжественномъ безмолвіи, плакалъ и крестился, молясь за недужнаго старца. Едва шевелясь и видимо угасая, Суворовъ все еще шутилъ и съ тихою улыбкой говорилъ иногда: „охъ, устарѣлъ я что-то“!...

Въ Стрѣльнѣ ожидали его друзья и родные. Дормезъ генералиссимуса былъ окруженъ здѣсь множествомъ петербуржцевъ, нарочно съѣхавшихся сюда для встрѣчи народнаго героя. Почти у всѣхъ глаза полны были слезъ, когда увидали умирающаго старика—тѣнь Великаго Суворова. Слабымъ голосомъ говорилъ онъ съ окружающими его. Дамы и дѣти поднесли ему цвѣты и фрукты; онъ благодарилъ дамъ, просилъ матерей приподнимать къ себѣ дѣтей и благословлялъ ихъ дрожащею рукою.

20-го апрѣля, въ одиннадцатомъ часу вечера, тихо въѣхалъ Суворовъ въ Петербургъ, черезъ воздвигнутыя для встрѣчи его триумфальныя ворота и принялъ скромную почесть заставнаго караула, вышедшаго въ сошки, по причинѣ поздняго часа, въ силу устава, безъ ружей. Не заѣзжая въ Зимній дворецъ, остановился онъ въ домѣ племянника своего, графа Д. И. Хвостова, на Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Николая Морскаго, и тамъ по-

чувствовалъ себя сразу до того плохо, что тотчасъ же безмолвно легъ въ постель.

Государь, узнавъ о пріѣздѣ Суворова, немедленно прислалъ къ нему его сподвижника, князя Петра Ивановича Багратіона, узнать о здоровьѣ и поздравить съ пріѣздомъ. Багратіонъ засталъ старика въ постели, едва дышавшаго отъ изнуренія. Часто впадалъ онъ въ обморокъ; ему терли спиртомъ виски и давали его нюхать.

Пришедши въ себя, онъ взглянулъ на Багратіона, но въ его большихъ геніальныхъ глазахъ не блестѣлъ уже огонь жизни. Долго смотрѣлъ онъ, какъ будто припоминая что-то и, наконецъ, узналъ.

—!... это ты, Петръ!... Здравствуй!

И замолчалъ, забылся.

Минуту спустя, взоръ его сознательно опять остановился на Багратіонѣ, который, пользуясь мгновеніемъ, поспѣшилъ передать ему все, что приказалъ государь.

Суворовъ при этомъ какъ будто оживился.

— Покловъ... мой... въ ноги... царю... сдѣлай, Петръ!... ухъ... больно!—съ силеніемъ проговорилъ онъ, застоналъ и впасть въ бредъ.

Багратіонъ донесъ государю обо всемъ и пробылъ при его величествѣ за полночь. Между тѣмъ, каждый часъ доносили императору о ходѣ болѣзни Суворова.

— Жаль его! съ глубокою грустью сказалъ государь между многими о немъ рѣчами,—жаль! Россія и я, со смертію его, теряемъ многое... Да мы потеряемъ много, а Европа—*все!*

На утро явился къ генералиссимусу горячій поклонникъ его, вице-канцлеръ графъ Ф. В. Росточинъ, и привезъ собственноручное письмо Людовика XVIII, при которомъ князю итальяскому препроводились ордена св. Лазаря и св. Богородицы Кармельской. Суворовъ просилъ прочитать письмо и, взявъ ордена, спросилъ: „откуда присланы?“

— Изъ Митавы, отвѣчалъ Росточинъ.

Горькая улыбка мелькнула на устахъ страдальца.

— Какъ изъ Митавы? проговорилъ онъ:—король французскій долженъ быть въ Парижѣ!

И какъ бы сомнѣваясь, такъ ли ему читали, просилъ еще разъ перечесть письмо, и когда услышалъ слова: „Примите, герой великій, знаки почестей отъ несчастнаго монарха, который не былъ бы несчастнымъ, если бы слѣдовалъ за вашими знаменами“,—крупныя слезы блеснули на глазахъ его. Старикъ перекрестился, поцѣловалъ кресты орденовъ и безмолвно опустилъ ихъ на колѣни.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ недугъ все усиливался; давнишнія привычки и оригинальности Суворова исчезали одна за другою. Медленно, тихо и безропотно угасалъ старый солдатъ...

Память замѣтно начинала измѣнять ему, такъ что часто забывалъ онъ названія мѣстностей, прославленныхъ его недавними боевыми подвигами, забывалъ даже и самыя эти побѣды. Но по временамъ свѣтлое сознаніе возвращалось, и тогда онъ старался крѣпиться, вставалъ съ постели, садился въ большія кресла, заставляя двигать ихъ по комнатѣ, и даже занимался турецкимъ языкомъ, при чемъ воспоминалъ свои походы въ Турцію; но вдругъ нить воспоминаній этихъ прерывалась, онъ умолкалъ, голова его грустно нисла на грудь, и тогда съ глубоко-скорбнымъ вздохомъ вырывались у него слова: „зачѣмъ не умеръ я тамъ, на поляхъ Италіи“!

Услышавъ однажды отъ племянника, что до него есть дѣло, Суворовъ совершенно ободрился и твердымъ голосомъ произнесъ: „дѣло?... Я готовъ“!

Когда же все „дѣло“ объяснилось тѣмъ, что баронъ Бюллеръ желалъ получить пожалованный ему баварскій орденъ непременно изъ рукъ знаменитаго генералиссимуса,—Суворовъ грустно опустилъ голову, и слабо, едва внятнымъ голосомъ промолвилъ: „хорошо... пусть войдетъ...“

Наконецъ, врачи потеряли всякую надежду.

Чувствуя приближеніе смерти, Суворовъ, 5-го мая, призвалъ духовника, исповѣдался, и съ яснымъ спокойствіемъ духа простился со всѣми окружающими его. Наступила ночь, а съ нею—бредъ предсмертный. Въ безпамятствѣ, умирающій герой отдавалъ разныя военныя приказанія, твердилъ о Генуѣ, истолковывалъ стратегическія планы свои... Бредъ продолжался и утромъ; послѣдними словами его были: „Генуя... Сраженіе... *Впередъ!*“—а во второмъ часу, 6-го мая 1800 года, въ день св. Іова многострадальнаго, великій и тоже многострадальный человѣкъ тихо испустилъ послѣднее дыханіе.

Глубокое и тяжелое впечатлѣніе произвела вѣсть о смерти Суворова въ столицѣ на войска, на всю Россію. Многіе инвалиды, его соратники и всѣ русскіе полки служили панихиды по усопшемъ „отцѣ“; и эти люди, безстрашно и хладнокровно глядѣвшіе съ нимъ вмѣстѣ на смерть, такъ близко и такъ часто, въ кровавыхъ бояхъ,—теперь неутѣшно плакали, какъ дѣти...

Императоръ, до глубины души огорченный смертію русскаго полководца, послалъ своего генералъ-адъютанта передать роднымъ покойнаго, „что онъ наравнѣ съ Россією и съ ними, раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человѣка“.

На другой день, массы народа тѣснились около дома, гдѣ скончался народный герой, и тихо, благоговѣнно входили, одинъ за другимъ, посѣтители въ траурную залу, гдѣ стоялъ на катафалкѣ гробъ Суворова. Лицо его до того было спокойно, что онъ казался не мертвымъ, а только заснувшимъ. Кругомъ, на бархатныхъ подушкахъ, сверкали всѣ ордена и

многочисленные знаки отличій генералиссимуса. Люди всѣхъ званій и состояній, не только петербуржцы, но и нарочно пріѣхавшіе изъ другихъ городовъ, хотѣли взглянуть еще разъ на почившаго и поклониться его браннымъ останкамъ. Въ числѣ ихъ замѣчали множество старыхъ инвалидовъ, которые плакали и молились... И цѣлую недѣлю такимъ образомъ толпился русскій народъ около дубоваго гроба великаго человѣка.

Настало ясное, теплое утро 9-го мая. По улицамъ, изъ Малой Коломны, медленно тянулся похоронный поѣздъ. Все духовенство столицы предшествовало гробу; стройные клиры оглашали весенній воздухъ пѣніемъ: „Святый Боже“. Всѣ сановники, вся знать, военные и гражданскіе чины, сословія—дворянское и купеческое, представители науки, литературы и всѣхъ искусствъ и неисчислимое множество народа шли позади печальной колесницы. Далѣе слѣдовали войска со знаменами, обвитыми чернымъ флеромъ. Глухо и монотонно били похоронный маршъ барабаны, сопровождая мѣрнымъ и медленнымъ своимъ боемъ печальные звуки мелодическихъ флейтъ... Далѣе, стройно раздавался мрачный маршъ кавалерійскихъ хоромъ; а еще далѣе, позади траурныхъ эскадроновъ, тяжело громыкали по мостовой артиллерійскія орудія. Безчисленныя толпы тѣснились на улицахъ вплоть до самой Александро-Невской лавры. Окна, балконы и даже крыши домовъ усыяны были народомъ. Державинъ шелъ за гробомъ и выразилъ скорбь свою о кончинѣ героя, подвиги котораго долго служили ему предметомъ поэтическихъ пѣснопѣній.— „Сѣверныя громы въ гробѣ лежать!“ слагалъ онъ о смерти Суворова:

Кто передъ ратью будетъ, пылай,
Ѣздитъ на клячѣ, ѣсть сухари?
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари?

Императоръ Павелъ, окруженный блистательною свитою, верхомъ выѣхалъ на уголъ Невскаго и Садовой. Задумчиво стоялъ онъ близъ публичной бібліотеки, ожидая приближающуюся процессію, и когда она поравнялась съ нимъ, его величество снялъ съ головы шляпу.

— Прощай!.. Прости!.. Миръ праху Великаго! сказалъ онъ въ полный голосъ, отдавая низкій поклонъ усопшему,—и всѣ видѣли, какъ въ эту минуту текли слезы по лицу государя.

Въ воротахъ лавры шествіе затруднилось. Опасались что высокій, надгробный балдахинъ не пройдетъ подъ ворота, и уже хотѣли было снимать его.

— Впередъ! вскричалъ вдругъ старый гренадерскій унтеръ-офицеръ, ломавшій всѣ походы вмѣстѣ съ Суворовымъ,—не бойтесь, пройдетъ! Онъ вездѣ проходилъ!

И вотъ по слову старика-инвалида, разомъ двинулись впередъ, и дѣйствительно, колесница, вмѣстѣ съ балдахиномъ „прошла“ на монастырскій дворъ совершенно благополучно.

Обрядъ отпѣванія совершалъ митрополитъ Амвросій; въ послѣдній разъ загремѣли Суворову грозныя пушки и зарокотали ружейныя залпы, когда, съ возглашеніемъ *свѣчной памяти*, гробъ полководца, на рукахъ его соратниковъ, былъ опущенъ въ могилу, которую покрыла скромная плита съ простою надписью: **Здѣсь лежитъ Суворовъ.**

Вниманію духовенства. Въ газетѣ „Россія“ сообщено было слѣдующее:

Въ г. Задонскъ пріѣхали нищіе слѣпцы для сбора милостыни. Они, по обыкновенію, расположились у стѣнъ монастырскаго храма и начали заунывнымъ голосомъ пѣть „Лазаря“; съ ними находился мальчикъ, лѣтъ 7—8, калѣка.

Но вотъ, въ числѣ многихъ другихъ, къ нищимъ-слѣпцамъ подошла женщина и мужчина, и тутъ произошла рѣдкая, потрясающая сцена. Эта женщина подошла къ мальчику-калѣкѣ, подала ему какую-то монету, говоря: „несчастный мальчикъ! помни за упокой отрока Ивана!“ Мальчикъ-калѣка принялъ подаваніе, перекрестился и долго смотрѣлъ на женщину. Наконецъ, онъ, въ свою очередь, со слезами на глазахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ: „Мама, мало подаешь своему родному сыну“. Женщина быстро приблизилась къ мальчику-калѣкѣ, всмотрѣлась въ него и раздирающимъ голосомъ воскликнула: „Милый Вакюша! Такъ это ты, сыночекъ мой родной!“ Мужчина же, который оказался отцомъ мальчика, при видѣ этой потрясающей сцены не могъ сказать ни слова, онъ закрывъ лицо руками, рыдалъ какъ ребенокъ. Когда всѣ нѣсколько успокоились, мальчикъ-калѣка рассказалъ слѣдующую ужасную исторію: два года тому назадъ, мальчикъ игралъ на улицѣ; въ это время мимо его ѣхала закрытая повозка съ нищими-слѣпцами. Нищіе-слѣпцы попросили его показать имъ дорогу, которой они будто-бы не знали, обѣщая дать ему гостинцевъ. Мальчикъ соблазнился гостинцами и охотно согласился на это, онъ сѣлъ въ ихъ повозку. Нищіе-слѣпцы ударили по лошадамъ и быстро покатали къ окраинѣ города; мальчикъ хотѣлъ воротиться домой и просилъ, чтобы они остановили лошадей, но нищіе-слѣпцы пригрозили ему зарѣзать его. Мальчикъ такъ испугался, что не могъ ничего сказать. Дня чрезъ два они куда-то пріѣхали, и тотчасъ же мальчика посадили съ погребъ, гдѣ онъ былъ долгое время. Послѣ того мальчикъ какъ-то случайно услышалъ, что нищіе-слѣпцы хотятъ ему выколоть глаза. Онъ сильно испугался и со слезами упалъ на колѣни предъ своими мучи-

телями, цѣловаль у нихъ руки и ноги и просилъ оставить ему зрѣніе. Мальчикъ былъ бойкій, онъ, повидимому, понравился людямъ-звѣрамъ. Поговоривъ между собою, они порѣшили несчастному мальчику искалѣчить руки и ноги. Эту свою адскую мысль люди-звѣри скоро привели въ исполненіе. Послѣ ужасной операціи надъ несчастнымъ мальчикомъ, его стали возить по разнымъ городамъ и селамъ на ярмарки и храмовые праздники для сбора милостыни. Люди-звѣри всегда больно били, истязали и издѣвались надъ беззащитнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ мальчикъ-страдалецъ прожилъ у слѣпцовъ болѣе двухъ лѣтъ!

Вотъ какія исторіи бывають у насъ на святой Руси!

Когда прочитано было объ этой звѣрской исторіи въ одномъ домѣ, то хозяйка дома, свѣтская женщина, замѣтила, что „духовенству слѣдовало бы обратить вниманіе на подобныя обстоятельства, потому что слѣпцы, болѣею частію, запрашиваютъ милостыню около нашихъ храмовъ“.

При чтеніи этихъ строкъ, многимъ изъ насъ, духовныхъ лицъ, покажется страннымъ такое требованіе отъ духовенства, чтобы оно спрашивало всѣхъ слѣпцовъ и калѣкъ, кто они и какъ сдѣлались калѣками, чтобы открыть подобныя преступленія, о какомъ здѣсь говорится; это дѣло полиціи, а не наше. Но если вдуматься болѣе въ это дѣло, то нужно будетъ придти къ тому заключенію, что и духовенству нужно обратить вниманіе на разпроесъ нищихъ-калѣкъ.

Намъ, духовнымъ потому нужно обращать вниманіе на слѣпцовъ-калѣкъ, что они собирають милостыню близъ храмовъ, именемъ Христовымъ, какъ бы подъ покровительствомъ нашихъ—духовенства. Стало быть, и мы, нѣкоторымъ образомъ, участвуемъ въ ихъ преступленіяхъ, подобныхъ здѣсь описанному.

Можно дѣлать опросы не самимъ, конечно лично, но чрезъ сторожей, ктиторовъ или же сотскихъ и т. п. Дѣло въ томъ, что мальчики искалѣченные бывають запуганы и сами не рѣшаются высказать, какъ они попали къ слѣпцамъ, но если ихъ допросить такъ, чтобы ихъ патроны не замѣтили, то можетъ быть, не мало выпало бы такихъ обстоятельствъ, подобныхъ тому, какое было въ Задонскѣ. Да и чувства челоуѣколюбія должны заставить насъ помогать несчастнымъ и тѣмъ подать примѣръ другимъ и особенно полиціи. Не будемъ тѣми левитами и священниками, которые не обратили вниманія на *впаданіе въ разбойники* и не оказали помощи несчастному. Если мы не поможемъ, то кто же поможетъ?

Станнымъ кажется, что цѣлыхъ два года слѣпцы съ мальчикомъ собирають милостыню, и никто не спросилъ у нихъ паспорта и особенно на этого мальчика!...

Слѣдовало бы это происшествіе о звѣряхъ-слѣпцахъ сдѣлать такъ или иначе извѣстнымъ, чтобы у насъ народъ узналъ всю правду о такихъ лицахъ, которые, подъ покровомъ религіи, эксплуатируютъ людей, а

также, чтобы присматривали за своими дѣтьми, которые всегда бѣгаютъ безъ всякаго призора и могутъ попасть въ лапы людей-звѣрей.

Во всякомъ случаѣ такія происшествія очень грустны. Дай Богъ, чтобы они не повторялись, для чего нужно принять мѣры не одному только духовенству и полиціи, но и всѣмъ, а внушить это обязаны мы—духовные.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячный, выходящій книжками не менѣе 25 печатныхъ листовъ, содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія, 2) Обзоры по различнымъ отраслямъ философіи, исторіи, естествознанія, военнаго дѣла; 3) Критика; 4) Вопросы церковной жизни; 5) Лѣтопись современной внутренней жизни Россіи; 6) Заграничныя сообщенія; 7) Обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя; 8) Отзывы о лучшихъ сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ; 9) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей; 10) Сводъ мнѣній и сообщеній изъ провинціи; 11) Экономическія замѣтки; 12) Письма читателей. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ пересылкой и доставкой 10 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 р., на мѣсяць 1 рубль. Отдѣльныя книжки продаются по рублю и могутъ быть высланы съ налоговымъ платежомъ.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

При конторѣ „Русскаго Обозрѣнія“ принимается выписка и доставка въ провинціальныя книжныя магазины и библіотеки—школьныя, народныя и общественныя—всякаго рода книгъ, выходящихъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границею. Принимается составленіе школьныхъ и народныхъ библіотекъ на сумму отъ 15 до 250 рублей, дѣлается подборъ

изданій для книжныхъ складовъ, организуемыхъ различными учрежденіями и лицами. Складъ исполняетъ заказы на учебники для начальныхъ и среднихъ школъ, а также на всѣ книги рекомендуемыя начальствомъ учебныхъ заведеній.

Контора редакціи журнала „Русское Обозрѣніе“ проситъ гг. подписчиковъ журнала и выписывающихъ книги черезъ посредство книжнаго склада, находящагося при журналѣ, писать заказы „отчетливо“ и въ случаѣ несвоевременной доставки книгъ немедленно отсылать заявленія въ контору изданія. При желаніи воспользоваться льготой скидки при выпискѣ журнала или покупкѣ книгъ должны быть точно обозначены размѣры скидки и сдѣлано указаніе лица для котораго предназначаются льготы.

ВЫШЕЛЪ ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

журнала

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

и продается въ книжныхъ магазинахъ гор. Москвы, Петербурга, Кіева, Харькова, Одессы, Казани, Варшавы и Ростова на Дону.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

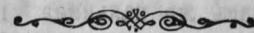
Осенью—стихи князя А. П. Кугушева. Обмолотки—очеркъ М. Гонцекой. О самобытномъ въ русской музыкѣ—проф. Н. Д. Кашкина. Стихотворенія—А. Фета и графа П. И. Капниста. Чѣмъ отличается православная вѣра—ЕПИСКОПА АНТОНІЯ. Слово—повѣсть И. Проходцева. Письма Льва Толстаго, А. Фета, Н. Страхова, Владим. Соловьева и Я. Полонскаго. Одинокій мыслитель—проф. А. И. Введенскаго. Мельхіоръ де Воюэ о Вл. Соловьевѣ—А. Никифораки. О значеніи воинскаго сословія—генер. М. И. Драгомирова. Развѣдка—очеркъ генерала Орлова. На сторожевомъ валу—поэма В. Кожевникова. Окраины и сердцевина Россіи—генер. А. Ѳ. Радецкаго. Реформа высшаго образованія—проф. С. Чирьева. Замѣчательный трудъ—Н. Н. Овсянникова. Палестина Н. П. Розанова. О Римскомъ-Корсаковѣ—Н. Манькина и Павла Карасева. О Горькомъ—замѣтки Н. Осокина. Онѣ смѣялись—романъ А. Соколова.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Дехтарный переулокъ, д. Деляновой.

Редакторъ-издатель *Алексій Филипповъ*.

Слѣдующій выпускъ находится въ печати и появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей

Іоаннъ Нотовичъ.